

Глава 3

ГАВАЙСКИЕ ПЕРЬЕВЫЕ НАКИДКИ ИЗ СОБРАНИЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ КУНСТКАМЕРЫ

В продолжение предыдущей главы следует еще раз подчеркнуть, что на данном этапе исследования мы не замахиваемся на реконструкцию всей коллекции Кука—Бема, рассматривая только те вещи вместе с их «окрестностями», которые составляют базис коллекции № 505 и без которых эта коллекция утрачивает свое историческое значение в качестве эталонного материала эпохи куковских открытий, особенно тогда, когда это касается традиционной гавайской культуры.

В связи с этим сделаем несколько предварительных замечаний, касающихся источниковедческого значения Описи Бема. Вещи, принесенные в дар английскими моряками, — это не случайное собрание вещей, поскольку создано оно по правилам, близким к тем, что предъявляются к научным коллекциям в наше время. Действительно, предметы отбирались с таким расчетом, чтобы наиболее полно представить традиционную культуру островных групп, которые посещала экспедиция Кука в 1776—1780 гг. Это означает, что в МАЭ сохраняется, возможно, первая систематизированная коллекция куковских вещей. Опись Бема — это не просто музейная ведомость, но достаточно полное описание полинезийской культуры, обладающее статусом этнографического источника. Возможно, несколько парадоксальным способом об этом свидетельствует тот факт, что все океанийские вещи — тонганские, таитянские, гавайские — объединены Бемом под одной вокабулой «Из Приятного острова». Тем самым было дано монографическое описание единого культурного ареала с признаками моделирования, близкими современным этнографическим представлениям о морфологии традиционной культуры: хозяйство и быт, социальная и военная организация, одежда и украшения. С этой точки зрения Опись Бема действительно является очень ценным этнографическим отчетом

по традиционной культуре народов Полинезии, прежде всего в том, что касается такой универсалии культуры, как гавайские перьевые накидки.

В Описи Петри предметы № 505-9, 12 и № 505-17, 18, 19 (то есть две трапециевидные и три круглые накидки, по классификации П. Бака) идентифицируются с входными строками Описи Бема, № 14, 19 и 31 соответственно: «перьяная ментея», «ментея из мелкого и красного перья» и «три зефира из красных и желтых перьев». Весь замысел книги Л. А. Ивановой «Куковская коллекция Петербургской Кунсткамеры» видится как раз в том, чтобы доказать полную непричастность трех круглых гавайских накидок (вместе с некоторыми другими предметами, всегда считавшимися куковскими) к коллекции Кука–Бема. В этой части система аргументов Л. А. Ивановой выстраивается так, что под вопросом оказывается и трапециевидная накидка 505-12. В конечном счете разрушению подвергается вся коллекция № 505 в том ее виде, в котором она была известна научному сообществу в XX в. При этом критика коллекции № 505 (то есть критика концепции Петри) со стороны Л. А. Ивановой подразумевает выделение в ее работах трех основных групп аргументов: 1) текстологический анализ Описи Бема; 2) этнографический анализ предметов коллекции № 505; 3) историографический анализ ранних океанийских поступлений МАЭ.

1. В рамках текстологического анализа Л. А. Иванова концентрирует наше внимание на толковании слова «зефир». Исходя из того что Магнус Бем — немец по происхождению и что общение во время передачи ему вещей английскими моряками шло на немецком языке, она обращается к «Российскому лексикону по алфавиту, с немецким и латинским переводом» Ф. Гелтергофа, изданному в 1778 г. В нем мы находим два значения слова «зефир»: 1. Westwind, zephyrus, faunis; 2. Ein Hauptschmuck des Frauenzimmers, capitis ornamentum sexus muliebris [Гелтергоф 1778: 247]. Прочитовав статью «Зефир» из Лексикона Гелтергофа, Л. А. Иванова дает следующий перевод: «Зефир, сущ. м. р. 2-го скл. Западный ветер, легкий зефир; **девичье головное украшение**, женское головное украшение» [Иванова 2005: 53]. Едва ли это можно считать переводом, если учесть присутствие неизвестно откуда взявшегося добавления «девичье головное украшение». Однако, как пишет Л. А. Иванова, в случае придания «зефирам» из Описи Бема значения «девичье головное украшение, женское головное украшение» мы получим:

«Три девичьих головных украшения из красных и желтых перьев». В конце концов она заявляет: «При таком переводе любому океанисту ясно, что речь идет о *леи* — перьевых гавайских украшениях, надеваемых молодыми женщинами как на голову, так и на шею» [Там же]. (В скобках заметим, что перьевые *леи* носили также очень немолодые женщины, а кроме того, были различные виды *леи*: одни носили на голове, другие — на шее, причем *леи*, о котором говорит Л. А. Иванова, носили именно на шее, а не на голове.)

Переводу Л. А. Ивановой несколько мешает словарное значение немецкого слова “Frauenzimmer” — «женщина», «баба», предполагающее совсем другое чтение рассматриваемой статьи в Лексиконе Гелтергофа: «головное женское украшение» (возможно, «главное женское украшение»). Поэтому она возвращается к толкованию слова «зефир», а на самом деле — слова “Frauenzimmer” (см.: [Там же]). К несчастью, обнаруживается, что еще, по крайней мере, в конце XIX в., как и в XX в., слово “Frauenzimmer” имело то же значение — «женщина» [Павловский 1900: 544]. «Однако, — восклицает Л. А. Иванова, — Сергей Васильевич Тураев, крупнейший из ныне живущих в Москве филологов-германистов, у которого я консультировала перевод этого слова, уточнил, что в XVIII в. “das Frauenzimmer” означало “девушка”! Следовательно, слова Ф. Гелтергофа нужно понимать: “главное девичье украшение” / “главное девичье убранство” / “украшение для девичьей головы” / “девичий головной убор” и никаких “комнат”, “женщин” или “баб»» [Там же: 54].

При всем уважении к С. В. Тураеву, подобные утверждения следовало бы подкрепить ссылками на конкретные места в тех или иных печатных изданиях, может быть, рукописях того времени. Со своей стороны, не будучи специалистом по германской филологии, мы можем привести документ, относящийся к первой четверти XIX в. (точнее говоря, к 1826 г.) и представляющий собой своего рода билингву. Речь идет о так называемом «Списке Азиатского музея» (см. главу 4). Наряду с оригиналом на русском языке в МАЭ хранится также копия этого документа на немецком языке под тем же названием, по-видимому, собственноручно переписанная академиком Х. Д. Френом, который по году рождения и образованию был представителем именно конца XVIII в. В этой копии эквивалентами понятия «женский» выступают выражения “Weiber” (“Weiber Schneid” / «женский убор»), “weiblich”, “für Frauen”, понятия «женщина» — “Frauenzimmer” или “Dame” (“vornehme Dame” / «знатная

женщина»), понятия «девочка, девушка» — “Mädchen” (см. статьи IX, X, XI, XII).

Надо полагать, в своих построениях Л. А. Иванова вполне благонамеренно опускает главную посылку, а именно: ключевое для ее концепции положение, согласно которому Гелтергоф в своем Лексиконе под «зефиром» якобы подразумевает «венок». Эта скрытая посылка артикулируется позже, в другой главе, где гавайское *lei* как бы невзначай, как нечто само собой разумеющееся, именуется перьевым «венком» [Там же: 141]. Наконец, не следует забывать, что в соответствующей статье Лексикона Гелтергофа имеется параллельный перевод на латинский язык: “capitis ornamentum sexus muliebris”. Словосочетание “sexus muliebris” не оставляет и тени сомнений в том, что «зефир» Гелтергофа — это женский убор. В нашем случае нет даже надобности выяснять, какой именно головной убор имел в виду Гелтергоф (скорее всего, платок или шаль, которую накидывали на плечи), главное, что именно женский, а не «девичий».

Обратим внимание также на то, что Гелтергоф берет не “femininus” («женский»), но именно “muliebris” («женский» со значением «подобающий женщине»). Вероятно, отсюда проистекает еще одна тонкость: использование термина “capitis ornamentum” вместо “capitis ornatus”. Ornamentum — это не только обозначение части одежды, но и «звание», «титул», «честь». Строго по Лексикону Гелтергофа, слово «девичий» переводится на немецкий как “den Jungfern gehörig” (die Jungfer — «девушка»), а на латинский — как “virginens” (см.: [Гелтергоф 1778]). В целом, что бы ни имел в виду Гелтергоф, говоря о «зефире», это не венок. И в русских изданиях XVIII в. венки всегда называются «венком».

2. Этнографический анализ Л. А. Ивановой сводится к подчеркиванию функциональных различий между предметами № 505-9 и № 505-12, с одной стороны, и предметами № 505-17, № 505-18 и № 505-19 — с другой. Во-первых, она настаивает на том, что три последних предмета вообще неверно называть «накидками» и что их следует относить к категории «воротников», руководствуясь их сравнительно небольшой длиной (как она пишет, они «едва достигали лопаток») и иным способом ношения (отсутствие петель на нижних концах, завязывание шнуров на шее). Кроме того, она указывает на особенности покроя (наличие выреза для шеи у круглых накидок) и орнаментации (элементы, собранные из черных перьев)

[Иванова 2005: 136–137]. В своем увлечении идеей переименования накидок № 505-17, 18 и 19 в «воротники», Л. А. Иванова на с. 139 даже приводит специальную табличку, в которой «три зефира» сопоставляются с «воротниками». Видимо, она забывает, что на с. 53 и 123 «три зефира» уже были объявлены ею «венками» [Там же: 139]:

Сопоставление наименований п/№ ОБ и коллекции № 505

№ п/п	Опись Бема	Колл. № 505
14	Перьяная ментея	505-9 — накидка
19	Ментея из мелкого желтого и красного перья	505-12 — накидка
31	Три зефира из красных и желтых перьев	505-17, 505-18, 505-19 — воротники

Иногда для того, чтобы доказать принципиальность различия между двумя видами накидок, Л. А. Иванова доходит до отрицания очевидного. При длине 50, 42 и 40 см эти три накидки закрывают всю спину, не говоря уже о том, что накидка № 505-9 имеет длину 36 см, то есть короче любой из трех. Однако тот факт, что трапециевидные и круглые накидки представляют собой два совершенно разных класса вещей, можно считать все-таки доказанным. Возьмем этот вывод на заметку.

Вопрос в том, что может следовать из этого. Л. А. Иванова рассуждает так: «Возникает вопрос, почему предметы в сущности одного класса названы в Описи Бема в двух случаях “ментеями”, а в трех других — “зефирами”? <...> Быть может, основанием для трактовки “зефира” как накидки послужил англо-русский словарь конца XIX в., в котором “зефир” в последнем значении — это “накидка, легкая шаль”. Но подобная трактовка “зефиров” Описи Бема сомнительна и не отвечает на сформулированный выше вопрос о разном наименовании вещей одного класса» [Иванова 2005: 139]. В этом месте она ссылается на то, что на предыдущих страницах, со ссылкой на словарь Ф. Гелтергофа, изданный в 1778 г., ею якобы было показано, что в немецком языке конца XVIII в. «зефир» являлся «девичьим головным украшением» [Там же]. Все-таки непонятно, почему ответ надо искать именно «в немецком языке»? Словарь-то русско-немецко-латинский: «Российский лексикон по алфавиту, с немецким и латинским переводом». Действительно, во время визита англичан на Камчатку в 1779 г. языком общения был немецкий,

однако источником информации были англичане. Как отмечает сама Л. А. Иванова, «переговоры вел Д. Гор, речь которого Дж. Веббер переводил на немецкий язык, понятный М. К. Бему» [Там же: 20]. Это англичане называли вещи «своими именами», разъясняя Бему их назначение, но не наоборот. Следовательно, заглядывать надо было в английские словари, где слово “zephyg” еще несколько десятилетий назад имело значение «зефир (ткань)» или «накидка, легкая шаль» (в немецком языке слово “zephyg”, или “zephyg”, имеет близкое значение — «легкая прозрачная материя».)

Таким образом, ответ на вопрос, почему в Описи Бема трапециевидные и круглые накидки идут под разными названиями, «ментя» и «зефир», весьма прост. Речь действительно должна идти о двух разных классах вещей, но не в том смысле, который придает этому противопоставлению Л. А. Иванова, а в том, что трапециевидные гавайские накидки являются мужской, а круглые — женской одеждой.

3. В рамках изучения историографии вопроса Л. А. Иванова подчеркивает, что именно Руссовым накидки № 505-17 и № 505-19 впервые были атрибутированы как гавайские, но происходящие не из коллекций Кунсткамеры, а из Музеума Государственного Адмиралтейского департамента (МГАД). В подтверждение своих слов она цитирует книгу Руссова: «Два желто-красных воротника¹ из Морского Музея (1827)» [Там же: 139]. В качестве пояснения того, на чем основывалось мнение Руссова о поступлении двух перьевых накидок из Музеума Адмиралтейского департамента, Л. А. Иванова ссылается на то, что в «Ведомости Редкостям, отданным из Музеума бывшего Государственного Адмиралтейского Департамента в Императорскую Академию Наук», по которой коллекции Музеума передавались в академическое собрание (см. главу 5), под вокабулой «Сандвичевы острова» среди прочего значится: «Пелеринок из перьев две» (см.: [Там же: 78]).

С другой стороны, она полагает, что путем сочетания свидетельства составителя Ведомости редкостей со свидетельством О. П. Беляева, который в своей книге «Кабинет Петра Великого» 1800 г. упомянул лишь «две мантилии, составленные из прелестнейших желтых и красных попугаевых перьев» [Беляев 1800, II: 229–230], Руссов отнес к куковскому поступлению две накидки: № 505-12

---

¹ В оригинале говорится о накидках (Umwürfe) [Russow 1900: 29].

и № 505-18, поскольку, как указывает Л. А. Иванова, только эти накладки попадают под определение «желто-красных» [Иванова 2005: 78]. И, по всей видимости, в целом она верно воспроизводит ход рассуждений Руссова.

Возражение вызывает нечто иное. Идентификацию Руссовым накидок № 505-17 и № 505-19 в качестве принадлежностей собрания Музеума Адмиралтейского департамента Л. А. Иванова принимает безоговорочно. В то же время его атрибуцию накидок № 505-12 и № 505-18 в качестве части поступления 1780 г. она фактически игнорирует. Основанием служит теоретическое допущение, что либо накладка № 505-12, либо накладка № 505-18 может принадлежать какому-то неизвестному собирателю. В связи с этим она замечает, что Руссов знал не только о коллекции Бема, но и о другом возможном источнике поступлений в Кунсткамеру материалов из третьей экспедиции Кука. Здесь она цитирует Руссова: «В том же году [1794] Императрица подарила Академии коллекции, привезенные капитаном Биллингсом с побережья моря Беринга и островов Южного моря» (перевод Л. А. Ивановой. — П.Б.) [Там же].

Комментируя это место, она пишет следующее: «В коллекции И. Биллингса, безусловно, могли находиться вещи из Океании. Сомнительно, правда, наличие среди них гавайских воротников, или накидок, так как И. Биллингс был простым матросом на “Дискавери”, а такими предметами одаривали только офицеров корабельных команд. Но даже, если подарок И. Биллингса и содержал океанийские предметы, они не имеют отношения к тому собранию, которое было подарено М. К. Бему и которое было реконструировано Ф. К. Руссовым как куковское. Исходным документом для этой реконструкции ему служила Опись Бема. Вероятнее всего, — заявляет она, — невозможность определить, какая именно из двух желто-красных накидок Музея была подарена М. К. Бему, и заставила Ф. К. Руссова включить их обе в коллекцию» [Там же: 139]. Говоря это, она имеет в виду свой же довод о том, что при определении «менгеи из мелкаго желтаго и краснаго перья» Руссову якобы приходилось выбирать из двух накидок с «желто-красным покрытием» [Там же: 78].

По утверждению Л. А. Ивановой невозможно определить, какая из двух накидок, № 505-12 или № 505-18, входила в состав коллекции Кука–Бема. На практике это означает, что оба предмета, так же как и предметы № 505-17 и № 505-19, должны быть исключены из коллекции № 505, поскольку на тех же самых основаниях, кото-

рые выдвигает Л. А. Иванова, можно утверждать, что обе упомянутые накидки принадлежат к какому-то неизвестному поступлению конца XVIII в. Тогда от всей коллекции перьевых накидок остается только одна, а именно «черно-белая» накидка № 505-9. В отношении этого предмета атрибуция Руссова, как пишет Л. А. Иванова, «оказалась безукоризненной» [Там же: 131]. Действительно, это единственная из всех накидок, на которой к моменту регистрации в 1899 г. сохранилась этикетка с надписью «№ 3† 45 Мантилия / Амер. от Бема». Правда, для Л. А. Ивановой свидетельством правильной идентификации этого предмета является не сама этикетка, а цифра «14», поставленная на ней рукой Руссова, поскольку, согласно ее предположению, к моменту регистрации в конце XIX в. этикетки могли быть уже отделены от предметов [Там же: 77].

Вообще временами начинает казаться, что в работах Л. А. Ивановой Руссов выступает уже не столько в роли автора реконструкции конца XIX в., сколько в роли свидетеля поступлений конца XVIII в. или начала XIX в., когда первоисточником по истории поступления 1780 г. становится уже не Описание Бема или этикетки конца XVIII в., а книга Руссова 1900 г., точнее говоря, две строчки из нее. Как заметил Р. Д. Крейг, один из зарубежных исследователей Описи Бема, «Инвентарь 1780 г.» представляет собой документальное доказательство куковской идентичности предметов из коллекции № 505 [Craig 1978: 97]. Видимо, Л. А. Иванова так глубоко погружается в вопросы историографии, во главе которой ставит книгу Руссова 1900 г., что Описание Бема фактически перестает рассматриваться ею в качестве главного документа, удостоверяющего происхождение куковских вещей из коллекций МАЭ.

1. Строка «из Морского Музея (1827) две желто-красных накидки» в книге Руссова восходит к строке «Пелеринок из перьев две» из раздела «Сандвичевы острова» в Ведомости редкостям. Здесь необходимо знать историю данного документа, то есть документы, которые ему предшествовали. В частности, это касается коллекций П. В. Повалишина, Ю. Ф. Лисянского, переданных в Музей Адмиралтейского департамента в 1806 г. В сопроводительных списках есть следующие упоминания: «Различного рода рукоделий из соломы и коры сплетенных: сумки, карзины и прочье всех шесть» [РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 762. Л. 2] и «Разного рода рукоделий диких из соломы и коры сплетенных четыре» [РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 762. Л. 4].

В Ведомости Бестужева (см. главу 5), представляющей собой опись вещей, хранившихся в упомянутом Музее в 1825 г., состав этих поступлений раскрывается более подробно. Так, в Ведомости Бестужева упоминаются несколько предметов с наименованием «рукоделие диких», поступивших от П. В. Повалишина и Ю. Ф. Лисянского. Три из них составителем Ведомости обозначены как происходящие с Сандвичевых (Гавайских) островов, хотя это наверняка эскимосские вещи (табл. V):

Таблица V

50	Рукоделие диких с Сандвических о-вов одно	1
	От капитана Повалишина	
72	Рукоделие диких из рыбьих кишок одно	1
	От капитана Лисянского	
78	Рукоделия диких из рыбьих кишок с Сандвичевых островов одна	1
	От капитана Повалишина	
82	Рукоделие диких из рыбьих кишок	1
83	Рукоделие диких с Сандвич. островов одно	1
	От капитана Лисянского	

По всей видимости, упоминание о таких предметах «с Сандвичевых островов» мы и находим в Ведомости редкостям во входной строке «Пелеринок из перьев две» под вокабулой «Сандвичевы острова» (ниже идет входная строка «Рукоделий из рыбьих кишок два мотка»). Если речь идет о терминах, эскимосские камлеи в рукописном «Общем каталоге» К. К. Гильзена идут под названием «плащей с пелеринками» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1918. № 9. Л. 387 об., 390–390 об.]. Такие камлеи с пелеринами орнаментировались перьями птиц. Вероятно, поэтому составитель Ведомости редкостям мог назвать их «пелеринками из перьев». Надо заметить, что по форме эскимосские камлеи очень напоминают так называемые «николаевские шинели». В Европе пальто с пелериной иногда называли просто пелеринами.

2. Строка «В том же году [1794] Императрица подарила Академии коллекции, привезенные капитаном Биллингсом с побережья Берингова моря и островов Южного моря» в книге Руссова. В Описи Биллингса («Опись уборам, одежде, орудиям и прочим капитаном Биллингсом присланным мелочам») нет ни единого упоминания о вещах, которые хотя бы в какой-то степени можно

интерпретировать как привезенные из «Южных морей» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1918. № 9. Л. 381–383]. Возможно, Руссов имел дело не с архивной копией Описи Биллингса, а с кратким списком, написанным на немецком языке Л. Радловым в середине XIX в. и хранящимся ныне в Отделе учета и хранения МАЭ в одной из старых регистрационных книг (см. Журнал поступлений № 1). На лицевой стороне листа вверху обозначено имя “Billings”, а на обратной стороне помещены списки вещей из других поступлений с упоминанием идолов, палиц пату-пату и пр., или, как там помечено, с «Сандвичевых» о-вов или о-ва «Отаити», но без имен собирателей, в частности, что в данном случае важно, Л. С. Вакселя, который действительно передавал вещи под этими обозначениями в академию в начале XIX в. (см. главу 7). По всей вероятности, Руссов принял этот список вещей за продолжение списка вещей Биллингса и потому посчитал, что последний в 1794 г. прислал предметы, относящиеся к культуре «островов Южных морей».

Вроде бы на этом можно было бы поставить точку в спорах о принадлежности/непринадлежности трех круглых, а вместе с ними и трапециевидных гавайских накидок из МАЭ к коллекции Кука–Бема. Аутентичность всех пяти накидок МАЭ полностью подтверждается Описью Бема. Есть две «ментеи» и три «зефира» в Описи Бема и есть две трапециевидные накидки и три круглые накидки из ранних поступлений МАЭ. Все это — при отсутствии каких-либо документальных следов о поступлении подобных вещей от других собирателей.

Как можно заметить, в своих построениях Л. А. Иванова придает огромное, даже преувеличенное, значение преемственности между выводами Руссова («только одна из трех круглых накидок принадлежит к куковской коллекции») и собственной реконструкцией коллекции № 505 («ни одна из трех круглых накидок не принадлежит к куковской коллекции»). Однако в концепции Руссова нет никаких внутренних аргументов, которые могли бы позволить такой переход. Точно так же трактовка его концепции Л. А. Ивановой не допускает решения вопроса о том, какой из двух предметов, трапециевидная накидка № 505-12 или круглая накидка № 505-18, принадлежит к куковской коллекции. По версии Л. А. Ивановой, Руссов потому и отнес к куковской коллекции оба предмета, что не мог решить этот вопрос [Иванова 2005: 142].

В этом пункте она вдруг резко меняет позицию, заявляя, что только благодаря Каталогу Кепплер “Artificial Curiosities” 1978 г. появилась возможность решить вопрос о том, какой из двух предметов был привезен в 1780 г. Бемом [Там же]. Что же больше всего ее заинтересовало в этом каталоге?

В изложении Л. А. Ивановой, «кепплеровская типология» гавайских накладок из куковских коллекций музеев мира построена на данных о 27 предметах, причем только три из них, а именно: накладки № 505-17, № 505-18, № 505-19, имеют подковообразную форму с «вырезом по шее», остальные — «трапециевидную форму» с прямым верхним краем. Далее она рассуждает следующим образом. Если следовать концепции Руссова, «воротники» № 505-17 и № 505-19 поступили в собрание Академии наук из Музеума Адмиралтейского департамента. Но тогда они могли быть привезены только «кем-то из кругосветных мореплавателей первой четверти XIX в.» и потому не имеют никакого отношения к вещам из третьего путешествия Кука. Это, в свою очередь, якобы подтверждается тем, что «воротник» № 505-18 выпадает из ряда трапециевидных накладок, известных по куковским коллекциям в музеях мира, но обнаруживает полное типологическое сходство с накладками № 505-17 и № 505-19. Как пишет Л. А. Иванова: «Это позволяет думать о том, что именно он (предмет № 505-18. — П.Б.) не имеет отношения к куковской коллекции Кунсткамеры, а накладка № 505-12 первоначально как раз и входила в состав собрания» [Там же: 143]. «Таким образом, — заключает она, — соответственное эпохе и языку понимание и прочтение слова “зефир” в Описи Бема (имеется в виду, что «зефир» — это гавайское *леи*, венок из перьев. — П.Б.) вынуждает признать недоразумением увеличение числа перьевых гавайских накладок и воротников в Куковской коллекции Петербургской Кунсткамеры с двух до пяти, что позволяет расстаться и с этим мифом относительно ее состава, существовавшим на протяжении последнего столетия» [Там же].

Непонятен весь ход рассуждений Л. А. Ивановой. Из механического соединения двух высказываний («накладки № 505-17 и № 505-19 привезены участниками кругосветных путешествий первой четверти XIX в.» и «накладка № 505-18 образует один типологический ряд с накладками № 505-17 и № 505-19») вовсе не вытекает вывод о непринадлежности накладки № 505-18 к коллекции Кука—Бема. Следовательно, в построениях Л. А. Ивановой мы имеем дело

с неким сокращенным силлогизмом, когда осознанно опускается первая посылка, которая только и позволяет сделать нужное умозаключение.

Как выясняется, в основе ее концепции лежит априорное положение, согласно которому термин «зефиры» в Описи Бема репрезентируется женскими перьевыми украшениями *леи*. Именно под этот тезис она задним числом подводит все известные ей факты. Вот почему в своем заключительном слове по поводу «недоразумения» с увеличением числа гавайских накидок с двух до пяти (см. выше) она совершенно неожиданно — после всех типологических раскладов — признает, что исключить три круглые накидки из куковской коллекции Кунсткамеры ее вынуждает прочтение слова «зефир» в значении «леи». *NB* В каталоге Кепплер, который несколькими строками выше Л. А. Иванова предлагает рассматривать как ключ к решению вопроса о накидке № 505-18, об этом ничего не сказано.

Для продвижения кепплеровской гипотезы о зефирах-леи Л. А. Иванова в качестве того, что в точных науках называется решающим экспериментом, использует обнаружение в фондах отдела Америки МАЭ гирлянды из перьев № 765-18, внешне действительно очень напоминающей гавайские *леи* [: 140–141, 143]. Говоря о «бесспорности» атрибуции предмета № 765-18 как «гавайского женского перьевого украшения леи», Л. А. Иванова, во-первых, ссылается на собственное экспертное мнение, которое основано на изучении гравюры, сделанной по рисунку Веббера [Там же: 140–141]. Во-вторых, она подчеркивает, что коллекция № 765 является сборной, включая океанийские предметы, в том числе тонганскую флейту № 765-51, визуальную атрибутированную в 1997 г. Адриенн Кепплер [Там же: 142]. Наконец, в-третьих, она в своей обычной манере заявляет о слабой изученности вопроса о происхождении вещей из коллекции № 765 с точки зрения имеющихся в распоряжении ученых документальных свидетельств [Там же].

В том, что касается этнографической экспертизы, укажем, что предмет № 765-18 Кепплер несомненно держала в руках, коль скоро она знакомилась с вещами из коллекции № 765. Если бы этот предмет действительно являлся гавайским перьевым ожерельем *леи*, она бы во время осмотра непременно его определила, поскольку изучала материал такого рода, что называется, вживую, а не по картинкам в чужих каталогах. Кепплер, конечно, может ошибаться при атрибуции вещей, существующих в единичных экземплярах, не имеющих

аналогов в коллекциях музеев мира. Но когда речь идет о классах вещей, представленных хотя бы несколькими экземплярами, ей будет просто трудно ошибиться, поскольку, работая в музеях мира, она перебрала собственными руками практически все известные вещи куковского периода. К тому же в этом вопросе, как мы увидим далее, она оказывается весьма заинтересованным лицом. Если бы у нее была хотя бы микроскопическая теоретическая возможность определить предмет № 765-18 в качестве гавайского *леи*, она бы, как раньше выражались, не преминула дать такое заключение.

В фондах отдела Америки Кепплер занималась именно поиском недостающих вещей из Описи Бема, так что Л. А. Иванова, отправляясь в фонды Америки по ее следам, вряд ли могла составить ей конкуренцию по чисто техническим причинам. Как справедливо заметил по этому поводу С. А. Корсун, минимум, что должна была сделать Л. А. Иванова в этой ситуации — определить материал, из которого сделан предмет № 765-51, то есть установить вид птиц, перья которых пошли на его изготовление [Корсун 2007: 122]. Здесь два варианта. Если гипотеза о гавайском происхождении предмета № 765-18 подтверждается, его принадлежность к коллекции Кука—Бема уже не требует никаких дополнительных доказательств. Если же эта гипотеза не подтверждается, то пусть поиском следов первоначального поступления этого предмета займутся американисты, что, собственно говоря, они уже и делают.

В статье 1994 г. С. А. Корсун указал несколько возможных источников, предполагающих южноамериканское происхождение предмета № 765-18 [Корсун 1994: 276–278]. Однако Л. А. Иванова рассматривает этот факт только с одной стороны, а именно как доказательство того, что данная вещь пока не прошла процедуру окончательной атрибуции в качестве предмета южноамериканского происхождения. Тем самым она создает себе известные удобства для продолжения линии кепплеровской концепции, не замечая того, что одновременно оспаривает экспертное мнение Кепплер в отношении неокеанийского происхождения перьевого украшения № 765-18.

Мы подходим к вопросу, который ранее уже задавали. В чем состоит истинная роль концепции Руссова в рамках собственной концепции Л. А. Ивановой? Эта роль, вероятно, только в том и состоит, чтобы создать видимость, что ее концепция является продолжением концепции Руссова, а не повторением концепции Кепплер.

Действительно, собственная концепция Л. А. Ивановой — версия концепции Кепплер, но дело представляется так, как если бы она являлась развитием концепции Руссова. Согласно Кепплер, круглые накидки физически не могли быть привезены из третьего путешествия Кука, поскольку в его времена в традиционной культуре гавайцев такого явления материальной культуры еще не существовало. В этом заключается суть «кепплеровской типологии», о которой пишет Л. А. Иванова. Разночтение возникает лишь относительно числа куковских накидок в каталоге “Artificial Curiosities” 1978 г. Л. А. Иванова, утверждает, что Кепплер насчитала в музеях мира 27 предметов данного типа и из них только три круглые накидки из МАЭ имеют вырез для шеи, остальные — трапециевидные с прямым верхним краем [Иванова 2005: 142]. Сама Кепплер говорит о 30 куковских накидках, из которых она исключает три петербургские (тогда еще ленинградские) ввиду их «стилистических» особенностей [Каерплер 1983: 95]. Разница в счете показывает знакомство Л. А. Ивановой со статьей Кепплер 1983 г.

Кепплер пытается доказать то, что круглые накидки имеют позднее, постконтактное происхождение, чисто статистическим методом, едва ли вообще уместным контексте исторического (этнографического) исследования: 27 трапециевидных накидок против трех круглых накидок. Видимо, по ее мнению, такое численное соотношение обязывает исследователя сделать вывод о чужеродности круглых накидок по отношению к доконтактной гавайской культуре. В соединении же с тем фактом, что все три «неправильные» накидки можно найти только в одном музее, указанное соотношение в ее глазах, по-видимому, делает их принадлежность к куковскому поступлению уже теоретически невозможной. Как она пишет: «Эти три накидки с шейным вырезом были постоянной проблемой, но, так как их включение в “Куковскую коллекцию” считалось основным на документальных свидетельствах, они должны были быть учтены» [Ibid.]. Она даже вспоминает, что в одном из своих выступлений, пытаясь разрешить это совершенно надуманное противоречие, предложила считать, что круглые накидки использовались только в ритуале, тогда как трапециевидные служили исключительно как воинское облачение [Ibid.]. (В коллекции Кука—Бема круглые накидки не являются единственными вещами, представляющими целый класс явлений гавайской культуры, причем так, что тоже не встречаются нигде, кроме как в Кунсткамере. Есть еще несколь-

ко классов вещей, не имеющих аналогов ни в одной из куковских коллекций, причем существуют они в единственном экземпляре. Функция одной из них — «предмета неизвестного назначения» № 505-15 — до настоящего времени не поддается определению. Однако все эти вещи Кепплер не находит нужным исключить из куковской коллекции 1780 г. по аналогии с круглыми накидками.)

Противоречие, столь долгое время занимавшее Кепплер, решилось для нее как бы само собой — при ее знакомстве с Описью Бема (“Leningrad inventory list”), в которой, как она считает, упоминаются только две перьевые накидки: № 14, “feather mantle”, и № 19, “mantle of small yellow and red feathers” [Ibid.]. В свою очередь, данное утверждение Кепплер вытекает из другого ее утверждения — что в строке № 31 в Описи Бема под именем «трех зефиров» значатся, «возможно, гавайские перьевые *леи*» [Ibid.: 93]. Как уже было отмечено, она воспользовалась переводом Описи Бема на английский в статье Якова Света и Светланы Федоровой “Captain Cook and the Russians”, опубликованной в журнале “Pacific Studies” в 1978 г. [Svet, Fedorova 1978: 16–19]. В этой статье 31-я строка Описи Бема переведена следующим образом: “Three zephyrs [fan] of red and yellow feathers” [Ibid.: 18].

Вероятно, мы никогда не узнаем, как Свет и Федорова пришли к мысли, что слово «зефир» может иметь значение «веер», если, конечно, это не является ошибкой переводчика или редактора. Предложенный в 1978 г. вариант перевода Описи крайне неудовлетворителен в целом. Прежде всего тем, что представляет собой попытку буквального перевода устаревших или вышедших из употребления слов и выражений русского языка на современный английский по англо-русскому словарю. Достаточно привести один пример. Термин «перьяная ментея» был переведен как “feather mentle” [Ibid.: 17]. Видимо, автор перевода полагал, что слово «ментея» является искаженным от «мантия», и попытался прямо перенести это искажение в английский. Здесь надо было выбирать что-то одно: либо английский эквивалент “mantle”, либо транскрипцию слова “menteya”. Впрочем, важнее другое. Слово, «ментея» если и является искажением, то не слова «мантия», а слова «ментия», синонима слова «ментик».

Конечно, Л. А. Иванова не могла обойти вниманием этот вопрос, выдвинув предположение, что «ментея» Бема есть либо устаревшее к концу XVIII в., либо испорченное «ментеня». В целях

объяснения значения слова «ментя» она обращается, в частности, к словарю В. Даля: «Ментя, ж., стар. (*нем.* Mantel?), плащик, епанечка, куртка, венгерка; обычно с цыфровкой и курасами (?!); носится в рукава или наопашь» [Иванова 2005: 131]. Однако у В. Даля эта статья выглядит совсем иначе: «Ментя, ж., стар. (*нем.* Mantel?), плащик, епанечка. **Ментик м. гусарская епанечка, накидка, верхняя куртка, венгерка; обычно с цыфровкой и кутасами; носится в рукава или наопашь**» (выделено нами. — *П.Б.*) [Даль 1881, II: 318].

Выделенные слова были опущены Л. А. Ивановой лишь для того, чтобы затем утверждать, что в конце XVIII в. слово «ментя» было вытеснено, как она пишет, более употребительным «мантиля», что совершенно неверно (см. у Даля: «Мантиля, женская накидная епанечка, особ употрб. в Испании» [Там же: 298]). Видимо, в ее системе высказываний тезис о вытеснении именно в конце XVIII в. слова «ментя» словом «мантиля» необходим для объяснения того факта, что на этикетках XVIII в. и в книге Беляева при указании на перьевые накидки используется слово «мантиля» [Иванова 2005: 131]. Без этого пришлось бы признать, что Беляев видел в «двух мантилях, составленных из прелестнейших желтых и красных попугаевых перьев», предметы именно женской одежды со всеми вытекающими отсюда последствиями для теории Кепплер, по которой в конце XVIII в. в Кунсткамере гавайских круглых накидок не могло быть в принципе.

Вернемся к Кепплер и ее теории «трех леи» без поправок, внесенных Л. А. Ивановой. Судя по всему, отталкиваясь именно от неверного толкования “zephyrs”, Кепплер и строила свои умозаключения. Так, поскольку в Описи Бема в статье Света и Федоровой присутствуют специальные номинации “mantel” (№ 14, 19), “fan” (№ 7, 8, 9) и “morion¹” (№ 12, 18), она, вероятно, предположила, что за термином “zephyr” стоит некая четвертая сущность. А поскольку в гавайской культуре существуют только четыре основных типа перьевых регалий, методом исключения она вполне естественным образом могла прийти к мысли, что за словом “zephyrs” скрываются три гавайских *леи* («не-веер», «не-накидка», «не-шлем»).

Разумеется, такой вывод невозможно сделать только средствами анализа английского перевода, хотя и очень плохого, Описи

¹ В английских изданиях в таком контексте принято использовать термин “helmet”.

Бема. Этот вывод сделан путем дедуцирования из априорного мнения, согласно которому во времена третьего путешествия Кука круглые накидки вообще не существовали в качестве одной из универсалий традиционной гавайской культуры и поэтому не могли быть подарены Бему членами экспедиции Кука в 1780 г. Случай с исключением из числа куковских вещей МАЭ тлинкинских накидок стал своего рода моделью поведения.

Основополагающая для Кепплер идея трансформаций полинезийского общества и его материальной культуры, произошедших в посткуковскую эпоху, впервые упоминается ею в предисловии к каталогу 1978 г., а затем подробно излагается в статье 1985 г. уже на конкретном примере гавайских перьевых накидок [Каерплер 1978а: xiii; 1985: 105–131]. Как тогда писала Кепплер, подобное исследование не может быть начато без точной информации о природе предметов во времена первых контактов с европейцами [Каерплер 1978а: xiii]. Но такое исследование не может быть и закончено, если не будут найдены хоть какие-то следы «трансформаций». В конечном счете возникновение тезиса о не-куковском происхождении круглых накидок из МАЭ объясняется необходимостью верификации «эволюционной» теории Кепплер.

К сожалению, все, что говорит Л. А. Иванова по поводу «развенчания мифов» МАЭ, является следствием своеобразного транспонирования ряда высказываний Кепплер в статьях 1983 и 1985 гг., хотя в библиографии ее книги 2005 г. названия этих статей не значатся. Высказывания Кепплер, касающиеся «зефиров» из Описи Бема, с одной стороны, и круглых гавайских накидок — с другой, не слишком компетентны. Об этом можно говорить с точки зрения как правил работы с источниками, так и используемых ею теоретических положений.

Однако, несмотря на это, Л. А. Иванова совершенно напрасно старается не замечать указанные работы Кепплер. Если бы она напрямую сослалась на так называемое экспертное мнение Кепплер относительно истолкования слова «зефир» из Описи Бема в качестве гавайского *леи* и лишь добавила бы к этому свои рассуждения о значении слова «зефир» из Лексикона Гелтергофа, ее позиция приняла бы гораздо более лаконичный и стройный вид, избавив ее от необходимости брать на себя ответственность за выводы Кепплер.

Спрашивается: на каких основаниях мы со своей стороны так категорично сопоставляем три «зефира» из Описи Бема с тремя круглыми гавайскими накидками № 505-17, 18 и 19? Во-первых, три

«зефира» упоминаются в Описи Бема. Во-вторых, три гавайские круглые накидки находились в составе коллекций МАЭ в конце XIX в. В-третьих, не существует ни одного документа последней четверти XVIII — первой четверти XIX в., который мог бы подтвердить наличие подобных предметов в коллекциях участников русских кругосветных путешествий или других лиц, передававших в тот период вещи в собрания Академии наук. В сущности, при отрицании принадлежности тех или иных предметов к коллекции Кука—Бема Л. А. Иванова всякий раз в качестве главного аргумента использует факт отсутствия этикеток, соответствующих нумерации Описи Бема. Однако существуют другие источники, позволяющие документально подтвердить правильность реконструкции Е. Л. Петри — методом исключения.

Пожалуй, единственный способ отменить результаты реконструкции Е. Л. Петри — обосновать утверждение, согласно которому Бем под «зефирами» понимал перьевые *леи*. Здесь Л. А. Иванова абсолютно права. Но с помощью Лексикона Гелтергофа сделать это явно не удастся.

Заметим также, что предполагать утрату «зефиров» (то есть убрать их в качестве «свидетелей») можно только тогда, когда выполнено последнее условие, то есть когда по документам доказано поступление *леи* в собрание Академии наук. Однако пока утверждения А. Л. Кепплер и вслед за ней Л. А. Ивановой о том, что «зефиры» Бема — это гавайские *леи*, носят совершенно голословный характер. Именно в связи с этим Л. А. Иванова часто ссылается на то, что выборка известных исследователям списков, каталогов и других документов, позволяющих связать те или иные вещи с конкретными поступлениями, сравнительно мала. В действительности выборка является таковой только в том случае, если работу в архивах подменять логическими упражнениями. Исходя из своего опыта, можно сказать, что систематическая работа в архивах Санкт-Петербурга подтверждает, что реконструкция Е. Л. Петри, нашедшая свое отражение в описи коллекции № 505, в своей основе верна, если не считать некоторые неточности с определением географии вещей. Напомним еще раз: Е. Л. Петри так и не включила в коллекцию № 505 тлинкитские накидки, несмотря на ее собственную помету «Почерк Бема» на старинной этикетке. Следовательно, идея Кепплер вычеркнуть из куковского собрания МАЭ шесть «американских плащей» путем сопоставления с Описью Бема не содержит в себе никакого открытия, так как до нее,

еще в конце 1890-х годов, это было сделано Е. Л. Петри. Первоначальное мнение Е. Л. Петри, выраженное ее пометкой на рукописной этикетке XVIII в., вероятно, было основано на консультациях Ф. К. Руссова. Мы помним, что Л. фон Шренк называл этикетки этого типа «собственными ярлыками» Бема (см. выше). Однако свое мнение он мог составить только на основе мнения Руссова. Таким образом, ошибка Л. Г. Розиной заключалась не в том, что она вообще не придавала значения «использованию документов при идентификации этнографических объектов», а в том, что она приняла за таковой документ ошибочную надпись конца XIX в. на документе XVIII в. Безусловно, эта надпись является источником по историографии изучения коллекций МАЭ, но она не может быть источником по истории коллекций МАЭ.

Скажем несколько слов о практическом значении выводов А. Л. Кепплер и Л. А. Ивановой для истории коллекций МАЭ, имея в виду издательскую деятельность. В Каталоге “Artificial Curiosities” 1978 г. накладки 505-17, 18, 19 еще упоминаются под грифом “Evidence: Given by Captain Clerke to the Governor of Kamchatka” [Kaeppler 1978a: 65]. В 2006 г. Стевен Хупер, уже ссылаясь на статью Кепплер 1983 г., повторяет положение, согласно которому круглые накладки не могли быть собраны во время третьего путешествия Кука, уже как абсолютно неопровержимое [Hooper 2006: 65]. При этом он высказывает довольно странную идею о возникновении круглых гавайских накладок по образу и подобию накладок европейских офицеров.

В недавно вышедшей книге “Links to the Past” (2011) по ранней гавайской культуре Венди Арбайт специально подчеркивает, что при отнесении тех или иных артефактов ко времени третьего путешествия Кука она опирается на выводы Адриенн Кепплер, в том числе на информацию, полученную от нее в ходе личных контактов [Arbeit 2011: 325]. В результате круглые накладки из МАЭ характеризуются так: “Said to have been collected on Cook’s third voyage” (№ 505-17) или “Museum records connect this cape to Cook’s third voyage” (№ 505-18, № 505-19). Это вместо полагающейся им по статусу формулировки: “Collected during Captain Cook’s third voyage”.

Теоретические последствия состоят в вычеркивании из традиционной гавайской культуры целого класса вещей с огромной семиотической нагрузкой как с точки зрения мифологии, так и ритуала или социальной организации в целом. При условии, что три круглые накладки были подарены Бему английскими моряками в 1780 г.,

мы возвращаемся к идее Кепплер, согласно которой круглые накидки могли быть частью церемониальной одежды в противоположность трапециевидным накидкам, представлявшим вид военного облачения мужчин. Как уже было сказано, эта идея после ознакомления с Описью Бема была отброшена Кепплер в качестве заведомо несостоятельной. Но именно эта идея в целом может оказаться верной в терминах выбора правильного направления исследований, связанного с оппозицией «мужской — женский мир». С этой точки зрения круглые накидки являются исконно женской одеждой.

Конечно, в дневниках участников третьей экспедиции Кука нет записей, которые уже при первом взгляде можно было бы однозначно рассматривать в качестве сообщений о существовании данного явления в традиционной гавайской культуре. Но, если все-таки рискнуть, заняв указанную позицию, многие места в дневниках спутников Кука можно прочесть именно в таком ключе. По наблюдениям Эллиса, эрраи (леи) — это то, что гавайские женщины ценят больше всего. Как он пишет: «Это своего рода брыжи (ruff) или ожерелье (necklace), сделанное из красных, зеленых, черных и желтых перьев, особым образом соединенных в изящные узоры, которые действительно делают честь фантазии тех леди, чье ремесло состоит в их изготовлении. Они никогда не появятся на людях без одного или двух таких [украшений] на своей шее, а те, кто могут себе это позволить, надевают несколько» (цит. по: [Brigham 1899: 6]). По воспоминаниям Джеймса Тревенена, гавайские женщины требовали у мужчин подарка в виде “ruff” в обмен на большие гвозди или топоры, полученные от европейцев [Cook 1967, III: 626]. Между тем известно, что гавайцы настолько высоко ценили перьевые плащи, что назначали цену не ниже мушкета, хотя впоследствии могли согласиться отдать их за очень большие гвозди [Cook 1785, II: 206]. Так что вполне вероятно, что в интересующем нас контексте употребление термина “ruff” указывает на короткие круглые накидки в отличие от ожерелий (“necklace”).

Если брать более поздний период, насколько нам известно, не зафиксировано ни одного случая ношения круглых накидок мужчинами, притом что в немногих случаях, когда становилось известно, кому принадлежали круглые накидки, владельцами всегда оказывались женщины (см.: [Brigham 1899: 1–81]). Характерно, что круглая накидка, приобретенная у наследников Коцебу в 1929 г. и переданная в 1944 г. Британскому музею, как считается, была подарена Ко-

цебу королевой Намаханой (только, вероятно, не во время плавания 1815–1818 гг., а во время плавания 1823–1826 гг. — П.Б.) [Ноорег 2006: 85]. Именно в связи с именем королевы Намаханы всплывает один интереснейший для нас факт. Сохранился ее портрет, привезенный экспедицией Коцебу (см.: [Коцебу 1981: 346]). На нем она изображена в платье, главным украшением которого является как раз плюеный воротник (брыжи, *рюш*, или *ruff*). С европейской точки зрения того времени подобная деталь одежды должна была выглядеть более чем старомодной. Следовательно, здесь мы, скорее всего, имеем дело с тем, что в этнографии принято описывать с помощью тэйлоровского понятия «пережиток».

Научный подход требует точности. Поэтому упомянем, что в дневниках Коцебу фигурирует еще одна гавайская накидка. Как он пишет, во время обеда у короля Камеамеа один из министров вручил ему «сделанный с большим искусством из пестрых перьев воротник, который король сам носил в торжественные дни, например в военное время». При этом король сказал через переводчика следующее: «Я слышал, что ваш монарх — великий герой; поэтому я люблю его, будучи сам таким, в доказательство моей любви посылаю ему этот воротник» [Коцебу 1948: 123]. К сожалению, со слов Коцебу невозможно судить о том, какую форму имел «воротник», была ли это круглая или трапециевидная накидка. Но, скорее всего, это была короткая трапециевидная накидка. Все известные круглые накидки интересующего нас типа изготовлены главным образом из красных и желтых перьев. Между тем Коцебу, обычно очень скрупулезный в своих описаниях, говорит о «пестрых перьях»¹.

При таком «гендерном» подходе становится более понятным различие в покрое (наличие/отсутствие выреза), предполагающее два особых способа ношения: на шее и на плечах. А это, в свою очередь, должно быть связано с различиями мужской и женской анатомии, с одной стороны, и с функциональными различиями накидок

---

¹ Обстоятельства дарения заставляют думать, что этот подарок не мог не дойти до адресата. В таком случае эту перьевую накидку следует искать в утраченной части коллекций Царскосельского Арсенала. Согласно документам начала 40-х годов XIX в., в то время там имелись «предметы древности», в число которых входили: «одежды североамериканских народов; несколько образцов их резной работы из дерева; несколько вещей из птичьих перьев и разной соломы, также модели их ладий и т.п.» (цит. по: [Дмитриев 2011: 75]).

как предметов материальной культуры — с другой. В отношении трапециевидных накидок известным следует считать тот факт, что в сражении они могли использоваться в качестве своего рода доспеха, или защитного вооружения. Такая функция требует прямого верхнего края и наличия петель на обоих концах полы для захвата рукой. Не случайно в Описи Бема трапециевидные накидки именуются «ментеями» («ментиками»). Вполне допустимо, что при описании передаваемых Бему предметов англичане могли упомянуть о ношении таких накидок наопашь — подобно гусарскому ментику. К вопросу о мужских перьевых накидках мы еще вернемся в главе 8.

На фоне тезиса о куковской аутентичности круглых накидок из МАЭ становится заметным и различие двух типов орнаментации. Для круглых накидок характерно оформление верхнего края в виде перьевых ожерелий *леи*. Круглые накидки отличаются от трапециевидных и набором элементов орнамента. Рисунки на круглых накидках сугубо однотипны с преобладанием одного и того же мотива в виде горизонтально расположенного полумесяца рогами вверх. А некоторое знание традиционных изобразительных приемов гавайцев позволяет утверждать, что полумесяц есть не что иное, как схематическое изображение птицы. По наблюдениям Кинга, на Гавайях, как и в других районах Полинезии, существовало культовое отношение к птицам в качестве духов-*атуа* (зд. воплощений *атуа*. — П.Б.) [Cook 1785, III: 160–161]. Причем, по отзывам путешественников, такое обрядовое почитание птиц являлось скорее частью женской, чем мужской, сферы культуры. На этом основании вполне можно предположить, что на гавайских круглых накидках мы видим изображения женских *атуа*, или, по-гавайски, *акуа*. С этой точки зрения знаковым становится следующий факт: имя Кагуману, или Каахуману (Ka'ahumanu), жены гавайского короля Камеамеа I, расшифровывается как «накидка-птица».

Таким образом, мы фактически заканчиваем тем же положением, с которого начали настоящую главу. Опись Бема, как и другие сопроводительные списки собирателей, является не только историческим источником, фиксирующим поступление тех или иных вещей, но и этнографическим источником, описывающим функцию и значение этих вещей. Слово «зефир» в Описи Бема прямо указывает на существование в доконтактный период развития гавайской культуры особого предмета женской одежды в виде перьевой круглой накидки.